

А. С. Тимошук,

д-р филос. наук,

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,

Владимирский юридический институт ФСИН России,

Владимир

e-mail: human@vui.vladinfo.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ АРХИТЕКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ЧТО ОСТАНЕТСЯ ОТ ДОРОГОСТОЯЩИХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ?

Аннотация. Советское общество способствовало росту социальных прав трудящихся. Право на жилье, право на бесплатное образование и бесплатное медицинское обслуживание, право на отдых — все это дорогие социальные права, которые были установлены как социальный стандарт в СССР и содействовали улучшению положения человека труда во всем мире. Олигархический государственный капитализм означает замену дорогих социальных прав на «дешевые» политические права.

Ключевые слова: эволюция государства, социальные права, пределы развития, устойчивое развитие, технологический уклад, мальтузианская ловушка, прекариат, деиндустриализация.

A. S. Timoshchuk,

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines,

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

Vladimir

e-mail: human@vui.vladinfo.ru

SOCIAL POLICY IN THE CHANGING ARCHITECTURE OF THE WELFARE STATE: WHAT WILL REMAIN OF COSTLY SOVIET SOCIAL RIGHTS?

Abstract. Soviet society contributed to the growth of workers' social rights. The right to housing, the right to free education and free medical care, the right to rest and leisure — all these are expensive social rights that were established

as a social standard in the USSR and contributed to the improvement of the position of the working man around the world. Oligarchic state capitalism means replacing expensive social rights with “cheap” political rights.

Keywords: evolution of the state, social rights, development limits; sustainable development, technological order, Malthusian trap, precariat, de-industrialization.

Социальные расходы дорого обходятся обществу. Пока фантасты размышляют о том, какие частные летательные аппараты будут в Москве 2047 года, экономисты-консерваторы обсуждают государственную модель в условиях мировой экономической депрессии, где голод станет каждодневной европейской реальностью, а машина — роскошью. Даже если отстраняться от кризисных прогнозов, очевидно, что высокий стандарт потребления стран «золотого» миллиарда, привычки к комфортному образу жизни входят в противоречие с растущим самосознанием остальной части человечества, деколонизацией и сопротивлением глобализации. Способность человечества снять эти контраверсы зависит от готовности добровольно усреднить потребление и принять более экологичный эгалитарный образ жизни. От этого зависит сохранение таких благ нашей цивилизации, как образование, медицина, государственные услуги, полиция, суды, гуманная система наказания, оплачиваемые отпуска, дотации, компенсации и прочие плоды социального прогресса. Средний класс в США и Европе не желает оплачивать социальные расходы бедных, и это становится главным сюжетом политической борьбы вокруг беженцев, нелегальных мигрантов и растущего класса прекариата.

Гуманизация властных технологий медленно осуществляется последние несколько тысяч лет благодаря адаптации открытий в области общественной мысли. Часто мы недооцениваем вклад гуманитарных преобразований или смысло-технологических революций (СТР) в развитие общества. У нас есть классификация трех НТР, однако для человека как для общественного существа не менее важна диалектика развития «хорошего общества» с гуманитарными инновациями.

Первая СТР относится к 7–5 тыс. до н.э. и состоит из таких ноу-хау, как город, государство, закон, собственность, которые стали возможны благодаря переходу от охоты на диких животных как основы хозяйствования к культивированию растений. Благодаря преимущественно растительной пище у человека выросла продолжительность жизни и высвободились силы для дальнейших гуманитарных преобразований. В этот период в развитых аграрных цивилизациях постепенно происходит отход от таких архаических форм наказания, как кровная месть и самосуд к дисциплинарно упорядоченным практикам: суд, публичная казнь, тюрьма. В античных цивилизациях формируются первые гражданские институты — полисная демократия и гражданское право.

Вторая СТР занимает период Нового времени Просвещения, когда были сформулированы идеи всеобщих прав человека и конституции, положивших в идейной сфере конец узаконенному до этого неравенству в зависимости от пола, собственности, нации, расы, религии. Происходит осуждение средневековых процедур государственно-церковного насилия (инквизиция, костер, пытка, каторга), вырабатываются объективировано-отчужденные технологии осуществления власти — расследование, сыщик, полицейский, арест, дознание, суд, прокурор, адвокат, судья, свидетель, приговор, наказание, гильотина, электрический стул. Конституциональная парадигма является, по сути, секуляризированным вкладом христианства в мировую цивилизацию. Реализуемая в России реформа УИС в области гуманизации условий отбывания наказаний, отбывание наказания без лишения свободы напрямую связана с христианской парадигмой в культуре. С этим этапом связаны первое и второе поколение прав, куда входят социальные и экономические права.

Сейчас мы стоим на пороге третьей СТР, идеи которой еще только формулируются в глобальном ноосферном котле современной цивилизации. Агентами формирования СТР-3 выступают: 1) наука и образование с идеями когнитивизма, синергетики, коэволюции, конвергенции; 2) глобальные тренды в экономике, осуществляющей ценностный переход от материального богатства к нематериальным активам (здоровье, долголетие, знание, счастье, человеческий капитал); 3) политические технологии и средства массовой коммуника-

ции, формирующие новые требования к власти как к ценностной элите; 4) экология, постулирующая ноосферизм и планетарное сознание; 5) религии, стоящие на позиции открытости, диалога, медиации и служения. Происходит выработка третьего поколения прав, связанных с коллективными потребностями в благоприятной экологической и социальной среде, праве на мир и информационную безопасность.

Вызов гуманитарной эволюции человечества брошен вечными противоречиями труда и капитала, несколько ослабленными в XX веке углеводородным профицитом и социальными достижениями левых партий. Принципиальное решение конфликта труда и капитала происходит благодаря переходу к новому технологическому укладу, что откладывается или даже отменяется, если принять тезис о достижении пределов роста [1].

Чтобы объяснить разрыв между классическими представлениями о социально-экономическом развитии и несоизмеримой паранепротиворечивой реальностью, использую новый термин — «новая нормальность», который должен помочь нам адаптироваться к неблагоприятным обстоятельствам нулевого роста, кризисам перепроизводства, ухудшению показателей мирового ВВП, сокращению количества надежных инструментов инвестирования, рискам, замедлению НТР, просроченным обещаниям инноваторов и политиков,

Телепортация, световые мечи, города с искусственным климатом, победа над раком, выходные на Луне, яблони на Марсе, атомные поезда, подземные машины-кроты, дармовая субатомная энергия — все эти обещанные в прошлом веке блага откладываются на неопределенное время, ибо виток технологий увеличивает свой шаг и сбрасывает скорость [2]. Потребовалось три миллиона лет, чтобы человек открыл за 200 лет основные технологии и достиг пределов развития. Мы по-прежнему живем в трендах Фрэнсиса Бэкона, А. С. Пушкин — наш современник, а наш технический уклад сформирован открытиями, сделанными в последние 100–200 лет. Ветер перемен достаточно слабый. Штиля нет, но и изменения происходят не в таком масштабе, как прогнозировали. Если сопоставить образы будущего фантастов XX века с современностью, то мы явно туда

не попадаем. Если же перенестись в прошлое на 50 лет, то визуально и технологично мы оказались бы в таком же потребительском обществе, разве что более медленном по коммуникации. Достижения связаны в основном с наращиваем известных технологий в области энергоэффективности, емкости аккумуляторов, количества транзисторов на кристалле. Человечество не только не вышло на космический уровень, но и нередко остается на уровне средневековых технологий, как это описывали Николай Бердяев и Умберто Эко: усобицы, заговоры, отравления, санкции, протекционизм, жесткая иерархия. Постапокалиптическая медийная продукция лишь красочно приближает этот сценарий [3].

Для описания этой стагнирующей ситуации борьбы за ресурсы и рынки сбыта используется термин «новая нормальность», означающий в том числе достижение инвестиционных пределов, связанных с пределами роста научных технологий. Из множества инвестиционных проектов реализуются лишь единицы, т. к. инвесторов и сбережений больше, чем осуществимых идей [4]. Предел емкости каждой формации приводит к тому, что она перестает удовлетворять потребности массы народонаселения. Границы емкости каждой формации называются мальтузианской ловушкой по имени британского политэконома XIX века Томаса Роберта Мальтуса, описавшего концептуальные противоречия демографии и продовольственной программы. Его тревожные прогнозы о преобладании темпов роста народонаселения над производительностью производства продуктов питания время от времени обсуждаются, когда человечество сталкивается с кризисом и не может преодолеть его на предыдущем уровне развития экономики. Антимальтузианцы говорят о том, что ресурсы Земли и/или НТП недооценены; что нужно перераспределить уровень потребления и тогда хватит на всех. Однако на практике человечество регулярно сталкивается с кризисом перепроизводства населения, что вызывает гигантские движения народов и конфликты; войны, разруху и голод; пауперизм, бродяжничество и огораживание; экономическую депрессию и безработицу. Учение Мальтуса существенно повлияло и на дарвинизм, и на марксизм, и на кейнсианство — все это концептуально важные антропные тренды Нового времени, которые до сих пор имеют

значение как с точки зрения объяснения происхождения человека, так и с точки зрения более «человечной экономики». Английский священник думал о стабильном развитии общества и государства, и он обратил внимание на такой очевидный, но очень клерикализованный в то время капитал, как народонаселение. Поэтому учение Мальтуса критиковали религиозные и квазирелигиозные (коммунистические) структуры. Сейчас же настало время недогматического прочтения Мальтуса и точки зрения стратегического развития человечества. Тезис «плодитесь и размножайтесь» нуждается в условиях перенаселения Земли в существенной правке: «сохраняйтесь и поддерживайте стабильность».

Человечество достигло потолка емкости для постиндустриальной цивилизации: промышленность размещена в странах с дешевой рабочей силой, которые производят значительную долю потребительских товаров. Развитые страны сохранили за собой рынок капитала, оружия, инвестиций и высоких технологий. Деиндустриализация приводит к тому, что машиностроение, станкостроение, легкая промышленность — все это переходит в страны с дешевыми трудовыми ресурсами. Россия сочетает негативные характеристики двух систем — развитых и развивающихся: у нее слабая промышленность, дорогая рабочая сила, но при этом нет самостоятельного финансового рынка. Развитость отдельных областей, таких как ракетостроение, атомная промышленность, оружейного комплекса, не позволяет записать нашу страну в страны третьего мира, а вакцина «Спутник Ви» была позиционирована как главный инструмент мягкой силы и smart power, как в 1957 году ее космический соименник. Развитость массового образования и медицины также не позволяет записать Россию в страны третьего мира, однако это достижение Советского Союза может постигнуть та же судьба, как в некоторых регионах Средней Азии, где уже произошел откат к досоветскому прошлому и потеря доступных социальных благ.

И, конечно, существуют показатели, по которым Россия прочно занимает положение развивающихся стран. Низкая позиция ВВП на душу населения резко контрастирует с амбициями международного лидера. С такими показателями, ниже Панамы, Аргентины и Румынии (2019), видимо, нужно ощущать себя гораздо скромнее.

Сырьевая экономика — это еще один параметр неустойчивости, делающей страну зависимой от мировых цен на сырье и импорта потребительских товаров. Анализ международного положения России — это образец новой нормальности, где сочетаются противоречивые тренды: претензии на мировое лидерство и системная коррупция, отдельные технологические прорывы и масса бедного населения, мировотворческие акции и международные санкции за присоединение (аннексию) Крыма.

Гибридность параметров позволяет поместить Россию в когорту стран «второго мира», наряду с Китаем, Индией, Бразилией, ЮАР. Одним из факторов новой нормальности является то, что развитые страны в условиях экономического спада оказывают порой более системное и долгосрочное влияние на мировой порядок, нежели индустриально развитые демократии мира. Развивающиеся страны не соглашались с тезисом, что «процветание Америки — это основа процветания и безопасности всего мира». Даже Китай, сохранивший после кризиса положительный прирост ВВП в 7 %, вынужден был приспособливаться к «новой нормальности», к всемирному экономическому спаду, искать аналогизирующие образы в традиционной культуре в виде «сяокан» (малая зажиточность), «датун» (великая гармония) [5].

Устойчивое развитие России и ее лидерство среди стран второго и третьего мира зависит от того, как быстро она сможет победить коррупцию, бедность и развить постиндустриальные технологии [6; 7]. Оптимизм внушают устойчивые позиции в нескольких областях, таких как развитость Рунета и доступность мобильного подключения, энергетика и транспортные сети, объемы производства зерновых и биоресурсы, военная промышленность и армия, запасы углеводородов и других полезных ископаемых. Эти факторы могут стать залогом успеха в условиях сильного и эффективного государства, где моральность и великодушие проявляются прежде всего по отношению к собственному населению, а не только к олигархам и странам третьего мира.

Кризис ипотечного кредитования 2008 года и кризис пандемии XXI века продемонстрировал самоуверенность человечества в области управления и планирования. Новая нормальность

после финансового кризиса означала неустойчивость, неопределенность, бережное отношение к деньгам. Новая нормальность пост-ковид означает «неприкасаемое», «дистантное» существование человечества: постоянный масочный режим и повышенные санитарно-гигиенические стандарты, пролонгированную самоизоляцию, цифровизацию образования, сокращение доковидных видов предпринимательства, уменьшение международных контактов, социальное дистанцирование, усиление иерархического контроля и отказ от массовых мероприятий.

Если возможна пост-постиндустриальная экономика, то это будет рациональная система смарт-экономики, основанной на логистике, энергоэффективности, экологии и устойчивом развитии [8]. Новая нормальность — это смена привычек потребления и коммуникации, это смена тренда на «донашивание», экономию, перераспределение ресурсов, разъединение владения и пользования (шеринг). Предел емкости технологического уклада 3.0 дает о себе знать через глобальные кризисы. Спады и депрессии XIX–XX веков удавалось преодолеть благодаря индустриализации колоний и аграрных государств. Однако после индустриализации Азии уже не осталось касты хранителей технологий. Более того, изначальные доноры индустриализации (Нидерланды, Великобритания, Франция, США) сами стали жертвой деиндустриализации.

Нас стало слишком много, чтобы оставаться доиндустриальными романтиками или даже промышленными утопистами. Демографический профицит — это диалектическая вилка: без такого количества населения мы никогда не смогли бы обеспечить рост благосостояния. Однако, помимо труда как источника богатства, масса населения Земли нуждается в ресурсах, скудость которых мы не смогли преодолеть благодаря космосу, как ожидалось. Поэтому технологический уклад 4.0. связан прежде всего с оптимизацией имеющихся ресурсов. Смысл цифровизации в том, чтобы создать еще какое-то количество рабочих мест, улучшить глобальную логистику, наладив обмен капиталов, трудовых ресурсов, товаров и информации. Большие данные, искусственный интеллект, нейросети, блокчейн, большие данные, облачные вычисления, 3D-печать позволяют экономить на производстве и распределении.

Говоря о парадоксальности состояния современной мировой цивилизации, иногда указывают на то, что она крайне неоднородна, состоит из трех исторически различных стадийных типов: аграрно-традиционной, индустриальной и постиндустриальной. Это естественный ответ на демографический вызов. Усложнение общества есть естественный ответ на количественный демографический вызов. Сегодня мы имеем дело с самым большим социумом за известную нам историю, которому уже тесно только в рамках аграрных, индустриальных и постиндустриальных технологий. Количество переходит в качество: народонаселение определяет переход от аграрного общества к индустриальному и от индустриального к постиндустриальному. Первый переход связан с ограниченностью земли как фактора производства, а второй — с ограниченностью рынков сбыта промышленных товаров.

Проблема не в переизбытке техники, а в ее недостаточном развитии для того, чтобы решить две глобальные проблемы растущего человечества: временный профицит углеводородов сделал нас энергозависимыми, однако мы до сих пор не нашли, как удовлетворить растущие потребности человечества ограниченными природными ресурсами. Государства западного типа стремятся восполнить демографическую убыль за счет мигрантов, и при этом на Земле слишком много стремящихся к антиэкосистемным благам индивидуальных коттеджей и персональной автомобилизации.

Острые прогресса проходит по самой кромке социального эволюционизма. Первая НТР создала условия для мануфактурного производства и глобального передвижения товаров. Во время второй НТР были изобретены средства массовой информации и коммуникации. Третья НТР была самой масштабной, затронув множество областей, от производства полимерных материалов до ракетных технологий. Вопрос о четвертой НТР является спорным. Прорывы, изобретения и инновации есть (клонирование, нанотехнологии, индивидуализированное производство), однако они не носят такой масштабный и социально-экономический характер. В прошлые НТР менялся сам тип общества благодаря внедрению технологий. С аграрного — к индустриальному и постиндустриальному. Какой тип общества создала четвертая НТР? Пока не ясно, можно ли назвать современ-

ное общество пост-постиндустриальным. В глобальном масштабе представлено три экономических типа обществ и складываются предпосылки для формирования новой фазы постиндустриального общества. Россия не смогла сохранить статус индустриального локомотива, но и не приобрела постиндустриальное лидерство, что помещает целую страну в зону риска прекариата.

Индустриализация СССР в XX веке спасла страну от недружественного поглощения. Ленин и Сталин вырвали страну из мальтузианской ловушки, которая свойственна аграрным обществам, где демографические показатели превышают способность обеспечивать себя продуктами питания. Достижение потолка емкости ресурсной базы является основной причиной скудости питания, бедности, распространения инфекционных заболеваний, нехватки земли, маргинализации, миграции. Выйти из мальтузианской ловушки можно комплексом мер, которые включают, помимо механизации сельского хозяйства и повышения его производительности, развитие техники и технологий, практику индустриализации, ограничение рождаемости, повышение уровня образования, создание новых видов занятости [9].

Сегодня над Россией нависла угроза деиндустриализации, ослабления таких отраслей промышленности, как черная металлургия, машиностроение и металлообработка; уменьшения доли отечественного промышленного изготовления средств производства, предметов потребления. Масштабная индустриализация, напротив, идет в Китае, Индии, Бразилии, Мексике, Турции, Малайзии, Вьетнаме, ЮАР.

Россия импортирует из Китая машины и оборудование, электронику, автозапчасти и комплектующие, текстиль, одежду, обувь, товары для детей, сельскохозяйственную продукцию. Даже многие российские книги печатаются в Китае, а отечественные полиграфические мощности свертываются. Автомобилестроение и самолетостроение в РФ с трудом пробивает себе путь к рынку сбыта. Уменьшается парк сельхозтехники. Упрощается система производства, закрываются предприятия, сокращается население в промышленных моногородах, исчезают некоторые виды узких специалистов, имеет место деградация технического образования. Все это индикаторы

неустойчивой промышленной безопасности. Государство становится зависимым от импорта технологий и оборудования, потребительских товаров и лекарств. Деиндустриализация ставит вопрос о гарантированном доходе, без которого комплекс мероприятий по поддержке граждан и семей с детьми выглядит как стимулирование маргинализации и увеличение бедного населения. Убыль населения, низкий уровень доходов, бедность пенсионеров — все это побочные результаты деиндустриализации, т. к. в новейшей истории России именно промышленность была драйвером экономики.

Предел емкости индустриального общества заключается в перепроизводстве и в увеличении доли индустриально развитых стран. Идеальные условия капитализма времен Адама Смита, когда Великобритания открывала товарное производство в метрополии и заставляла приобретать эти товары свои колонии, уже закончились. В клуб индустриально развитых государств вступили с тех пор Франция, США, Германия, Япония, СССР, Китай, Индия и десятки других государств. Выходом для стран первичного капитализма стала переориентация на такие сферы деятельности, как информация, развлечения, финансы, образование.

Порождением кризиса индустриальной занятости стало постиндустриальное общество с его занятостью в сфере услуг (доставка, быстрое питание, транспорт, СММ маркетинг, блогинг). Новая нормальность постиндустриального типа общества заключается в нарушении структуры занятости: значительно людей на полной занятости перерабатывают, чтобы не потерять работу, а еще большее количество работников не могут найти полноценную работу и вынуждены искать подработки. Антиномии сверхзанятости и недозанятости также выступают фактором неустойчивости новой нормальности. Самозанятость позиционируется как гордость фриланса, но на самом деле является стыдливым прикрытием прекариата как основной социальной проблемы современности.

Новый стандарт постиндустриального рабства: непостоянный доход, отсутствие социальных гарантий, лимитирование трудовых прав. Все это потому, что мы выработали промышленную емкость, но так и не преодолели третью космическую скорость и углеродную зависимость. Искусственный интеллект, нейросети, роботехника,

блокчейн, стандарт 5G, большие данные, интернет вещей, облачные вычисления, 3D-печать, дополненная реальность — это не технологии-монстры, агенты трансгуманизма, а то, что может дать перспективную занятость миллионам людей. Проблема безработицы постиндустриального общества становится уже глобальной, т. к. человечество достигло пределов развития. Быстрая прекаризация населения, падение благосостояния и увеличение рабочего времени тому доказательство. Масса людей на планете не может найти нормальную занятость с социальными гарантиями. Для экономии фонда заработной платы используются схемы лизинга персонала, аутстаффинга, сезонного трудоустройства.

Глобализация обесценивает малые духовные скрепы. Отсюда опасная динамика самоубийств и экстремальных видов времяпровождения в технократических обществах. Менее конфликтной формой эскапизма следует признать сектантство и историческую реконструкцию. Ну а наибольшую угрозу правопорядку представляет борьба за идеалы хорошего справедливого общества в виде радикализма и терроризма.

Еще в 2008 году мы с коллегой ставили вопрос о грядущем увеличении необходимого рабочего времени вопреки модным трендам «работать 3–4 часа в день», «четырёхдневная рабочая неделя» и т. п. [10]. Реальная тенденция во всем мире — это увеличение рабочего времени, сверхурочные, переработка, выгорание, сочетание 2 или 3 работ, посвящение свободного времени приработку. Причины весьма простые — бедность, амбиции, стремление повысить качество жизни, конкуренция. Новая нормальность — это работать всегда, как в Японии и Китае, делая перерывы на сон, еду и переключения на иные обязанности [11]. Формулируются законопроекты 60-часовой рабочей недели, ставится вопрос о «работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени» [12]. Идеи, что человек будет заниматься творчеством, а машины — выполнять за него все рутинные действия, оказались утопией. Даже при современном высоком уровне механизации, автоматизации и цифровизации человек остается самым дешевым биороботом и программистом одновременно.

Коммунизм — иногда — как крипто-христианство с идеей рая на Земле [13; 14]. Они родственны своими историческими линейными масштабами, социальным активизмом СССР на международной арене активно продвигал социально-экономические права: равноправие мужчин и женщин; право на труд; право на отдых; право на охрану здоровья; право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и утраты трудоспособности; право на жилище; право на пользование достижениями культуры; право на детство. Экономические права обходятся дороже государству, поэтому западные страны сопротивлялись этой позиции и защищали политические права первого поколения, которые были ограничены в СССР. Сейчас мы тоже следуем западной концепции и отказались от приоритета социальных прав, гарантированных государством. Победили права, защищающие личность, они дешевле обходятся государству, хотя, несомненно, они не менее важные, чем второе поколение прав [15].

Второе поколение прав, сформированное в результате II и III НТР, относятся к категории социальных и экономических (право на жилище, право на труд, право на приемлемый уровень жизни, право на предпринимательство, право на частную собственность, право на образование, медицинское обслуживание и многие другие социальные гарантии: пособия по случаю полной, частичной или временной утраты трудоспособности, право на пенсию, пособие по безработице и т. д.). Эти общественные блага имеют двойственное значение в борьбе с терроризмом. С одной стороны, законопослушные граждане, естественно, достойны пользоваться этими социально-экономическими достижениями. Вызывает негодование, что пособники терроризма, выступающие зачастую с лозунгами уничтожения ненавистных государств, при этом успешно пользуются государственными пособиями, бесплатной медицинской помощью и образованием.

Второе поколение прав — это расширение прав первого поколения, гражданских и политических возможностей человека, которые были сформулированы в ходе буржуазно-демократических революций и борьбы за независимость США. Это главным образом негативные права, «свобода от» принуждения церкви, несправедливого

суда, произвола монарха. Эти права были еще названы личными, неотчуждаемыми политическими правами и свободами (свобода слова, собраний, мысли, равенство всех перед законом и судом, свобода передвижения).

Третье поколение связывают также с международными процессами XX века, требованиями коллективной безопасности (*братство*). Это коллективные, гуманитарные и экологические права. К солидарным правам всех жителей Земли относятся право на мир, право на сохранение природы, право на безопасность. Коллективное право на безопасность требует ограничения ряда индивидуальных прав прошлых поколений в связи с резким ухудшением защищенности городов и жизненно важных технологических объектов.

Третья сборка прав человека нравится развивающимся государствам, которые устанавливают приоритет общности над личностью, и они относят сюда право наций на самоопределение, право на социальное и экономическое развитие, право на распоряжение природными ресурсами, право на культурное наследие, право на невмешательство.

Концепция трех поколений прав человека была сформулирована чешско-французским юристом по имени Карел Васак, который развивал лозунг французской революции (*свобода, равенство, братство*) [16]. Параллельно идут процессы проблематизации концепции прав человека в связи с достижением экономических пределов емкости среды.

Еще одна тенденция — декларация четвертого поколения прав, связанных с открытиями в области биологии; информационные права [17], а также духовные права [18]. Общая эволюция государства и права, общественных отношений демонстрирует последовательную негоциацию института прав и свобод, историческую связь становления социального государства с его функциями безопасности и благосостояния и института гражданского общества, родившегося в античном полисе и христианских коммунах.

Права человека в обществе экономических пределов — это негоциация, выторговывание смыслов. Рынок становится абсолютным знаменателем и универсальным модусом коммуникации. Мир подстраивается под рыночный резонанс. Вопрос о сохранении внеры-

ночных институтов, которые бы служили подушкой безопасности человечества в случае жесткой посадки, — это риторический модус. Однако если все признать товаром, это ставит под угрозу неторговые ценности — религиозные, научные, эстетические, гуманитарные.

Вероятно, в будущем человечество действительно сформулирует фактически четвертое поколение прав и свобод или, даже более корректно можно сказать, четвертую сборку прав и свобод, которые включают все гуманитарные достижения предыдущих поколений, рассматриваемых в свете глобальных угроз терроризма и экстремизма. Разработка современного понимания прав и свобод проходит в контексте приоритетной темы международного контроля организованной преступности, терроризма и экстремизма. Правовой ответ угрозам XXI века дается с учетом дальнейшего выживания человечества как биологического вида, а также защиты его места проживания, планеты Земля, что требует обеспечения безопасности атмосферы, мирового океана, переработки мусора, развития неуглеродной энергетики.

Литература

1. Тимошук А. С. Пределы роста и актуальные проблемы глобальной устойчивости // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 2 (73). С. 148–158.

2. Тимошук А. С. Программа устойчивости мира. Рецензия на книгу: Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб. : Алетейя, 2018. 526 с.

3. Панфилов Ф. Телемедиэвализм: «средневековые» сериалы конца XX — начала XXI века // Логос. 2014. № 6. С. 193–207.

4. Гуковская А. А. «Новая нормальность» и трансформация рисков // Прорывные научные исследования : сб. ст. Международ. науч.-практ. конф. 2016. С. 82–90.

5. Борох О. Н. «Новая нормальность» с китайской спецификой // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 68–80.

6. Тимошук А. С. Национальная философия устойчивого развития России // Современные Евразийские исследования. 2018. № 3 (18). С. 97–104.

7. Тимошук А. С. Программа устойчивости мира // Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов

(Владимир, 5–6 декабря 2019 г.) ; редкол. О. Д. Третьякова и др. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2020. С. 113–118.

8. *Тимошук А. С.* От аграрного к умному обществу // Центр и регионы, этносоциальный аспект истории России нового времени : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летнему юбилею заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, профессора, доктора исторических наук Ирека Гайсеевича Акманова (г. Уфа, 19 апреля 2019 г.) / отв. ред. А. И. Акманов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. С. 135–145.

9. *Tyagi R., Vishwakarma S., Sanwar S. Y., Timoshchuk A. S.* Community Self-Help Projects // No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, 2020. P. 1–9.

10. *Ляпанов А. В., Тимошук А. С.* НТП и сокращение необходимого труда // Региональная экономика: проблемы и перспективы : межвузовский сборник научных трудов. Владимир : РАГС, 2008. С. 62–64.

11. *Kawanishi Y.* On Karo-Jisatsu (Suicide by Overwork): Why Do Japanese Workers Work Themselves to Death? // International Journal of Mental Health. 2008. Vol. 37, Iss. 1. P. 61–74.

12. *Герасимова Е. С.* Увеличение продолжительности рабочего времени: шаг к современным трудовым отношениям или движение в прошлое? // Международное, российское и зарубежное законодательство о труде социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ). М., 2011. С. 318–324.

13. *Чернов А. В.* Русское православие как социокультурная основа коммунизма // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2016. № 1. С. 79–82.

14. *Чернов А. В.* К вопросу о культурно-исторической связи христианства и тоталитаризма // Философские и исторические исследования : сб. науч. ст. ; сост. С. Б. Борисов, Н. Ф. Чипинова. Шадринск, 2019. С. 50–58.

15. *Тимошук А. С.* Участие христианства в укреплении гражданского самосознания // Участие гражданского общества в укреплении правопорядка : материалы междунард. науч.-практ. конф. Владимир: РАНХиГС, 2019. С. 200–207.

16. *Vasak K.* Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. 30 (11). P. 29–32.

17. *Семерикова П. В.* Быть ли четвертому поколению прав человека? // Синергия наук. 2018. № 28. С. 914–918.

18. *Ивентьев С. И.* Четвертое и пятое поколения прав человека как основа духовного и нравственного возрождения человечества // V Забайкальские рождественские образовательные чтения «Традиция и новации: культура, общество, личность» (региональный этап Международных Рождественских образовательных чтений) : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. К. А. Стародубцева, Н. Н. Волнина. Чита : ЗабГУ, 2016. С. 120–122.

References

1. *Timoshchuk A. S.* Limits of growth and actual problems of global sustainability // Actual problems of humanities and socio-economic sciences. 2020. No. 2 (73). P. 148–158.

2. *Timoshchuk A. S.* Program of world stability. Book review: Minerva's Owl flies into the Twilight. St. Petersburg : Aleteia, 2018. 526 p.

3. *Panfilov F.* Telemedievalism: “medieval” TV series of the late XX — early XXI century // Logos. 2014. No. 6. P. 193–207.

4. *Gukovskaya A. A.* “New normality” and transformation of risks // Breakthrough scientific research : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2016. P. 82–90.

5. *Borokh O. N.* “New normality” with Chinese specifics // Problems of the Far East. 2015. No. 3. P. 68–80.

6. *Timoshchuk A. S.* National philosophy of sustainable development of Russia // Modern Eurasian Studies. 2018. No. 3 (18). P. 97–104.

7. *Timoshchuk A. S.* Program of stability of the world // Actual problems of international law and foreign economic activity : materials of the XI International Scientific and Practical Conference of teachers and students (Vladimir, December 5–6, 2019) ; ed.: O.D. Tretyakova et al. Vladimir : VISU Publishing House, 2020. P. 113–118.

8. *Timoshchuk A. S.* From agrarian to smart society // Center and regions, ethnosocial aspect of the history of Russia of the new time: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor, Doctor of Historical Sciences Irek Gaiseevich Akmanov (Ufa, April 19, 2019) / ed. Ufa : RIC Bashgu, 2019. P. 135–145.

9. *Tyagi R., Vishwakarma S., Sanwar S. Y., Timoshchuk A. S.* Community Self-Help Projects // No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, 2020. P. 1–9.

10. *Lyapanov A. V., Timoshchuk A. S.* NTP and reduction of necessary labor // Regional Economy: problems and Prospects : Interuniversity collection of scientific papers. Vladimir : RAGS, 2008. P. 62–64.

11. *Kawanishi Y.* On Karo-Jisatsu (Suicide by Overwork): Why Do Japanese Workers Work Themselves to Death? // International Journal of Mental Health. 2008. Vol. 37, Iss. 1. P. 61–74.

12. *Gerasimova E. S.* Increasing the working time: a step towards modern labor relations or a movement into the past? // International, Russian and foreign legislation on labor and social security: current state (comparative analysis). M., 2011. P. 318–324.

13. *Chernov A. V.* Russian Orthodoxy as a socio-cultural basis of communism // Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. 2016. No. 1. P. 79–82.

14. *Chernov A. V.* On the question of the cultural and historical connection of Christianity and totalitarianism // Philosophical and historical research collection of scientific articles ; compiled by S. B. Borisov, N. F. Chipinova. Shadrinsk, 2019. P. 50–58.

15. *Timoshchuk A. S.* Participation of Christianity in strengthening of civil self-consciousness // Participation of civil society in strengthening of the rule of law : materials of the international scientific and practical conference. Vladimir : RANEPa, 2019. P. 200–207.

16. *Vasak K.* Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. 30 (11). P. 29–32.

17. *Semerikova P. V.* Whether to be the fourth generation of human rights? // Synergy of Sciences. 2018. No. 28. P. 914–918.

18. *Iventiev S. I.* The fourth and fifth generations of human rights as the basis of the spiritual and moral revival of humanity // V Zabaykalskie rozhdestvennye obrazovatelnye chteniya “Traditsiya i novatsii: kultura, obshchestvo, lichnost” (regional stage of International Rozhdestvenskikh obrazovatel’nykh chteniy) : materials of the scientific and practical conference / ed. by K. A. Starodubtsev, N. N. Volnin. Chita : ZabGU, 2016. P. 120–122.